

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ УРОВНЯМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КАК ОДИН ИЗ РЕЗЕРВОВ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

О. А. Кожевников^{1,2}, jktu1976@yandex.ru

¹Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,

²Уральский государственный экономический университет,

г. Екатеринбург, Россия,

А. Т. Карасев, a.t.karasev@mail.ru

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,

г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Современный этап развития государства и общества все настойчивее предопределяет необходимость постоянной и целенаправленной оценки реализации на уровне как законотворческой, так и правоприменительной деятельности текстуальных изменений внесенных в Конституцию РФ в 2020 году. В условиях проведения специальной военной операции, санкционной политики недружественных государств особо важной задачей является построение наиболее оптимальной модели организации и функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления как структурных элементов единой системы публичной власти. Определяя в ст. 132 Конституции РФ конституционные основы данной системы, федеральный законодатель с разной степенью внимательности и корректности подошел к нормативной регламентации элементов единой системы публичной власти. В представленной статье авторами доказываются важность и необходимость скорейшей конституционно-правовой конкретизации в рамках законотворческой и правоприменительной практики положений о взаимодействии государственного и муниципального уровней единой системы публичной власти, поскольку ее фактическое отсутствие уже приносит свои «негативные плоды» в рамках правоприменительной деятельности, что существенным образом подрывает доверие к институтам публичной власти и в целом положениям Конституции РФ.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд РФ, конституционная реформа, единая система публичной власти, формы и механизмы взаимодействия органов публичной власти.

Для цитирования: Кожевников О. А., Карасев А. Т. Нормативно-правовая регламентация взаимодействия между уровнями публичной власти как один из резервов повышения эффективности ее функционирования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24. № 2. С. 97–104. DOI: 10.14529/law240214.

Original article
DOI: 10.14529/law240214

LEGAL REGULATION OF INTERACTION BETWEEN LEVELS OF PUBLIC AUTHORITY AS ONE OF THE RESERVES FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF ITS FUNCTIONING

O. A. Kozhevnikov^{1,2}, jktu1976@yandex.ru

¹V. F. Yakovlev Ural State Law University,

²Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia,

A. T. Karasev, a.t.karasev@mail.ru

V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The current stage of development of the state and society increasingly determines the need for a constant and purposeful assessment of implementation, both at the level of legislative and law enforcement activities, of the textual changes to the Constitution of the Russian Federation that took place in 2020.

In the context of the special military operation and the sanctions policy of unfriendly states, a particularly important task is to build the most optimal model for the organization and functioning of public authorities and local governments as structural elements of a unified system of public authority. Defining the constitutional foundations of this system in Article 132 of the Constitution of the Russian Federation, the federal legislator considered the legal regulation of the elements of a unified system of public authority with varying degrees of care and correctness. In the presented article, the authors prove the importance and necessity of early constitutional and legal concretization within the framework of legislative and law enforcement practice of the provisions on the interaction of the state and municipal levels of the unified system of public authority, since its actual absence already brings its "negative fruits" within the framework of law enforcement, which significantly undermines confidence in the institutions of public authority and in general the provisions the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional reform, unified system of public authority, forms and mechanisms of interaction of public authorities.

For citation: Kozhevnikov O. A., Karasev A. T. Legal regulation of interaction between levels of public authority as one of the reserves for improving the efficiency of its functioning. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2023. vol. 24. no. 2. pp. 97–104. (in Russ.) DOI: 10.14529/law240214.

Конституционная реформа 2020 года все дальше отступает во временном пространстве, и чем дальше указанное событие отдалается от своего начала, тем больше возникает возможностей у исследователей провести полноценный анализ ее реализации как в законодательской деятельности, так и в рамках конкретной правоприменительной практики. Значимость правоприменительной практики для оценки положений конституционного законодательства в своих решениях подчеркивал и Конституционный Суд РФ, отмечая, что «проверяя конституционность оспариваемых законоположений, Конституционный Суд оценивает как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и исходя из их места в системе правовых норм. Более того, осуществление оценки конституционности в процедуре конкретного нормоконтроля невозможно без учета смысла, придаваемого соответствующему законоположению правоприменительной практикой» [7].

Полагаем, что только постоянный и качественный правовой мониторинг правоприменения позволяет выявить истинное качество законодательной деятельности, поскольку любые неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы в силу их прямого препятствия надлежащему уяснению соответствующих нормативных положений, открывают перед тем же правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод.

Иницилируя изменения первоначального текста Конституции РФ, Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. отмечал, что потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан, а фундаментальные основы конституционного строя, права и свободы человека еще многие десятилетия будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества, при этом для дальнейшего развития России как правового социального государства [9], в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие, поэтому текст Основного закона нашего государства требует внесение целого ряда вполне обоснованных и важных конституционных поправок.

Одной из таких поправок в Конституцию РФ, по мнению главы государства, должны стать принципы единой системы публичной власти, позволяющие на конституционно-правовой основе выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. К сожалению, впоследствии Президент РФ, предлагая на рассмотрение в Государственной Думе РФ проект закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти», изменил свое мнение и предложил уже не принципы единой системы публичной власти, а «некую целевую концепцию» единой системы публичной власти, нашедшую свое отражение в дальнейшем в положениях ч. 3 ст. 132 Конституции РФ. Не вдаваясь в

дискуссию о целесообразности изменения Президентом РФ своей первоначальной позиции, мы исходим из того обстоятельства, что сложившаяся впоследствии законодательная и правоприменительная практики в своем содержании обозначили три базовых признака теперь уже конституционно-правовой категории – «единая система публичной власти». Первое – это объединение в ней органов государственной власти, государственных органов и органов местного самоуправления в качестве структурных единиц данной системы, второе – наличие обязательного взаимодействия между названными структурными элементами системы и, наконец, третье – целевое предназначение единой системы публичной власти.

Нельзя не отметить, что федеральный законодатель весьма неудачно подошел к содержательной стороне названных признаков. Перечень органов власти, входящих в единую систему публичной власти, в нормах различных правовых актов различается. Такая же ситуация наблюдается и с целевым предназначением единой системы публичной власти. Категория же «взаимодействие» между структурными единицами заявленной системы вообще не нашла своего должного раскрытия ни в Основном законе нашей страны, ни в определяющих единую систему публичной власти федеральных законах. В этой связи неудивительно появление в юридической доктрине порой совершенно «полярных» точек зрения на нормативное регулирование единой системы публичной власти у многочисленных исследователей [1, 6, 11, 13]. Между тем представляется важным, что для качественной реализации «обновленных» положений Конституции РФ относительно единой системы публичной власти первостепенное значение имеет как раз соблюдение законодателем, а затем и правоприменителем ранее упоминаемого нами конституционно-правового принципа «правовой определенности», что, к сожалению, не наблюдается в настоящее время. Однако, если структура единой системы публичной власти и ее целевое предназначение хоть каким-то образом нормативно закреплены по итогам реформирования текста Конституции РФ в 2020 году и его последующего развития в федеральных законах от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» и от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Рос-

сийской Федерации», то не менее важную категорию «взаимодействие» российский законодатель в полной мере не развивает, что несомненно сказывается на формирующейся правоприменительной и прежде всего конституционно-правовой практике.

Вполне возможно, что «боязнь» законодателя более пристально рассматривать функционирование единой системы публичной власти сквозь призму «взаимодействие» связано с тем, что данная категория не является исключительно правовой, она используется во многих гуманитарных науках, причем в каждом случае ее толкование и содержательные характеристики существенным образом различаются [4]. Например, А. А. Вичева определяет взаимодействие органов публичной власти как согласованное, совместное действие, направленное на эффективную реализацию функций публичной власти и удовлетворения потребностей населения [2]. Взаимодействие органов публичной власти субъектов Российской Федерации Н. В. Симонова раскрывает как «процесс, направленный на установление закономерных связей между органами публичной власти на данной территории с целью выработки эффективного механизма совместных действий, необходимого для слаженного функционирования государства и населения» [10]. На важность обращения внимания к категории «взаимодействие» в своем заключении отметил и Конституционный Суд РФ, указывая, что соблюсти конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации без объективной необходимости взаимодействия между органами местного самоуправления и органами государственной власти невозможно, поскольку в совокупности все перечисленные институты власти призваны создавать условия для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах как РФ, так и территорий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Предваряя возможную дискуссию о нормативном закреплении принципов взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, в ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», хотелось бы подчеркнуть, что из буквального прочтения текста нормы названной статьи совершенно очевидно, что указанные принципы не являются «абсолютными» кри-

териями для органов власти, входящих в единую систему публичной власти. Упомянутые принципы необходимы для принятия Государственным Советом решений по вопросам взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, кроме того, даже названные в вышеупомянутой статье пять принципов не являются «исчерпывающими» и «руководящими» для структурных единиц единой системы публичной власти, о чем свидетельствуют положения ч. 2–9 ст. 17 этого же федерального закона.

Статья 2 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепляет принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации. Часть из них, конечно же, можно отнести к взаимодействию, в частности п. 6 ч. 1 ст. 2, определяющий необходимость согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, или положения ч. 2 этой же статьи, предусматривающей, что органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, осуществляют взаимодействие в целях создания условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта Российской Федерации. Однако, как было отмечено ранее, «лакмусовой» бумагой оценки законодательного регулирования взаимодействия между органами единой системы публичной власти является правоприменительная практика, которая, к сожалению, свидетельствует о том, что упомянутые нормативные положения не справляются со своей задачей, а отсутствие конкретного нормативно-правового и содержательного закрепления в российском законодательстве категории «взаимодействие» между органами власти в рамках единой системы публичной власти приводит к существенному нарушению положений Конституции РФ и ущемлению прав и законных интересов отдельных властных институтов. Для обоснования данного вывода следует обратиться к отдельным примерам практики Конституционного Суда РФ за 2023 год.

Так, в своем определении от 14 декабря 2023 г. № 3298-О-Р Конституционный Суд РФ напомнил, что еще в далеком 2019 году в

постановлении от 3 июля 2019 г. № 26-П им было указано, что местное самоуправление является обязательной на всей территории России формой публично-территориальной самоорганизации населения и одновременно представляет собой неотъемлемую часть единого механизма управления делами государства, в рамках которого органы местного самоуправления на началах взаимодействия и согласованного функционирования с федеральными и региональными органами государственной власти участвуют в конституционно закрепленных пределах в осуществлении на соответствующей территории функций демократического, правового и социального государства.

На основе вынесенного решения в 2019 году Конституционный Суд РФ предписал федеральному законодателю урегулировать вопрос о распределении между уровнями (органами) публичной власти обязанностей по возмещению гражданам – при условии должной добросовестности, разумности и осмотрительности с их стороны – ущерба в случае сноса построек, возведенных в нарушение установленных требований на земельном участке, предоставленном местными органами государственной власти РСФСР для ведения садоводства и расположенном в охранной зоне опасного производственного объекта.

Однако данные позиции не нашли своего должного восприятия и применения в практике арбитражных судов и Верховного Суда РФ. Судебные инстанции в ходе осуществления правосудия не восприняли позицию Конституционного Суда РФ о том, что функции демократического, правового и социального государства на территории РФ осуществляются в конституционно установленных пределах всеми органами единой системы публичной власти на началах взаимодействия и согласованного функционирования. В связи с указанным «недопониманием» федеральному органу конституционного контроля пришлось вновь обратить внимание всех правоприменительных органов, в том числе и судей, на то обстоятельство, что ответственность за принятие мер по обеспечению в земельных правоотношениях публичной доступности сведений об ограничениях на возведение построек на конкретных земельных участках, повлекшее негативные последствия для граждан, не может быть возложена исключительно на органы местного самоуправления, она также

распространяется на государственные органы вне зависимости от того, привлекались ли указанные органы в качестве стороны в соответствующем судебном разбирательстве. Указанный подход Конституционный Суд РФ настаивает правоприменительные органы учитывать и к другим правоотношениям с одновременным участием органов различных уровней публичной власти. Так, в своем Постановлении от 30 мая 2023 г. № 27-П федеральный орган конституционного контроля отметил, что система обращения с отходами в Российской Федерации построена на взаимодействии и участии в ней всех трех уровней этой власти, что в совокупности с установлением ответственности каждого уровня публичной власти за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях согласуется с конституционными предписаниями о единстве системы публичной власти.

Обязательность учета механизма согласованного функционирования и взаимодействия между уровнями власти при оценке нормативного регулирования была предметом исследования и в постановлениях Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2023 г. № 55-П и от 30 мая 2023 г. № 27-П. В названных решениях Конституционный Суд РФ вновь ориентировал правоприменительные органы на то обстоятельство, что «местное самоуправление, являясь с одной стороны, обязательной формой публично-территориальной самоорганизации населения, с другой стороны, представляет собой неотъемлемую часть единого механизма управления делами государства». Однако это не препятствует конструктивному взаимодействию между органами единой системы публичной власти для успешного решения общих задач, в том числе и в порядке наделения отдельными государственными полномочиями органов местного самоуправления, в других, конституционно оправданных формах совместного участия в осуществлении функций государства на территориях муниципальных образований.

Принцип единой системы публичной власти как базисная основа всего механизма управления делами государства включает в себя слаженное взаимодействие органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления, построенное на началах сбалансированного организационного и финансового

участия в соответствующем процессе каждого из трех уровней публичной власти, с одновременным ясным, четким и непротиворечивым определением компетенции муниципальных образований, региональных и федеральных органов государственной власти.

Это лишь малая доля примеров правоприменительной судебной практики по вопросам реализации различных функций государства через механизм взаимодействия в рамках единой системы публичной власти. А сколько примеров можно привести в рамках повседневной внесудебной деятельности органов публичной власти, которые, несомненно, свидетельствуют о наличии фрагментарности и незавершенности законодательной регламентации «взаимодействия органов публичной власти» как системообразующего элемента единой системы публичной власти. Ярчайшим примером последствий такой неурегулированности является ситуация, произошедшая в новогодние праздники 2024 года в Климовске (микрорайон Подольска) Московской области, когда из-за прорывов магистральной линии отопления почти 200 многоквартирных домов и местная больница остались без тепла. Несмотря на тот факт, что проблемы начались еще утром 4 января, администрация муниципального образования признала наличие проблемы только к середине этого же дня с обещанием решить проблему к вечеру. Однако ни к вечеру, ни на следующий день в квартирах жителей теплее не стало, поскольку, как оказалось, авария произошла на режимном объекте – Климовском специализированном патронном заводе имени Ю. В. Андропова, выпускающем боеприпасы и оружие. Более того, по словам представителя властей Московской области, от них почти сутки скрывали ситуацию с описанным ЧП [3]. Представляется, что если бы режим согласованного функционирования и взаимодействия между уровнями власти был надлежащим образом урегулирован, то подобных ситуаций можно было бы избежать или их количество и последствия минимизировать.

Отсутствие внимательного отношения федерального и регионального законодателя к обеспечению правового регулирования механизмов взаимодействия в рамках единой системы публичной власти осложняется и тем фактом, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, являясь частью системы единой публичной власти, не

находятся между собой в отношениях субординации, поскольку в соответствии со ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не являются частью системы органов государственной власти, а, следовательно, взаимодействие в рамках строящейся единой системы публичной власти во многом требует исключительно партнерского, взаимоуважительного подхода [8] между уровнями публичной власти с учетом независимости, самостоятельности, автономности как государственной, так и муниципальной власти.

Однако в этой «модели» построения взаимодействия и кроется самая большая сложность, поскольку современный аппарат государственного управления не настроен и во многом не умеет осуществлять «партнерское взаимодействие». И если на уровне государственной власти это «неумение» нивелируется наличием императивной подчиненности нижестоящего уровня власти вышестоящему, то в цепочке «государственная власть – местное самоуправление» такой подход невозможен, а настрой на партнерское, взаимоуважительное отношение в рамках взаимодействия пока в должной мере не стал преобладающим при реализации целей функционирования единой системы публичной власти. Об этом свидетельствуют и положения ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в которых при раскрытии вопроса о формах и способах участия органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, в решении задач местного самоуправления нет ни слова о взаимодействии. Как и ранее, до появления в Конституции РФ категории «единая система публичной власти», «федеральный центр» подменяет категории «взаимодействие» и «участие» как тождественные и в качестве форм реализации подобного участия рассматривает преимущественно лишь наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществление исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации в отношении муницип-

пальных образований и органов местного самоуправления и др.

В сложившихся условиях, спустя более трех лет с момента принятия конституционных поправок, следует констатировать, что заявленные Президентом РФ в рамках конституционной реформы 2020 года цели повышения эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами пока еще не достигли своего результата. В этой связи представляется важным обратить внимание на предложение И. С. Чалых о том, что согласованное функционирование и взаимодействие между органами публичной власти следует рассматривать не столько в качестве принципов, сколько как системообразующие признаки [12]. При этом если понятие согласованного функционирования представляет собой универсальную юридическую конструкцию, предполагающую для ее реализации задействование и ситуационный учет всех доступных правовых механизмов обеспечения единства системы публичной власти, то категория «взаимодействие» в большей степени представляет собой совокупность инструментальных признаков, указывающих на способы (методы) достижения цели единой системы публичной власти – максимальное эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Такие подход и толкование, на наш взгляд, позволяют ориентировать законодателя на скорейшую необходимость законодательного обеспечения, в том числе с выработкой базовых принципов, гарантий «взаимодействия», его механизмов, систематизации и содержательной конкретизации форм и средств осуществления взаимодействия между органами, входящими в единую систему публичной власти. В противном случае вряд ли в обозримом будущем мы сможем увидеть и ощутить пользу от внедрения в конституционно-правовую плоскость публичного управления категории «единая система публичной власти». Определение на настоящем этапе, пусть и весьма дискуссионно, ее структуры и целей создания, без надлежащего нормативно-правового закрепления институтов и механизмов взаимодействия между органами публичной власти трех уровней, не позволяет достигнуть целевого предназначения названной системы – повышения качества публичного управления в интересах населения вне

зависимости от того, где оно проживает – в муниципалитете, субъекте РФ или в целом РФ. Следовательно, и положения ст. 2 Конституции о высшей ценности для государства

и его уполномоченных органов прав и свобод человека так и останутся нормой-целью, не имеющей возможности полноценно реализоваться в нашем государстве.

Список источников

1. Баринов Э. Э. Единая система публичной власти в свете конституционной реформы – 2020 // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 1 (101). С. 27–33.
2. Вичева А. А. Некоторые вопросы взаимодействия органов публичной власти в условиях цифровизации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 216–223.
3. Захаров М. Почему тысячи людей в Подольске остались без тепла в рекордные морозы. URL: <https://regnum.ru/article/3858239>.
4. Кожевников О. А. Категория «взаимодействие» в рамках формируемой единой системы публичной власти в РФ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 49–55.
5. Кожевников О. А., Костюков А. Н., Ларичев А. А. Единая система публичной власти: дискуссионные аспекты нормативной регламентации // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 3. С. 49–62.
6. Кожевников О. А. Публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине и современной нормативной реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 3 (86). С. 251–256.
7. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2016–2018 гг.). URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspektsKS_2018.aspx.
8. Малявкина Н. В. Взаимодействие и самостоятельность органов публичной власти // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 79–84.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/?ysclid=lqrkx1dtjo62129610.
10. Симонова Н. В. Взаимодействие органов публичной власти на территории приграничного субъекта Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты (на анализе материалов Западного регионального пограничного управления ФСБ РФ): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 22 с.
11. Югов А. А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 16–22.
12. Чалых И. С. Взаимодействие органов публичной власти в субъекте Российской Федерации: проблемы законодательного обеспечения // X Юридические чтения: Российское государство и право: векторы развития с опорой на традиции: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина. 2023. С. 183–191.
13. Чирикин В. А. Конституционно-правовое закрепление системы публичной власти в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 223–227.

References

1. Barinov E. E. [Unified system of public authority in the light of constitutional reform – 2020]. *Yuridicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics], 2022, no. 1 (101), pp. 27–33. (in Russ.)
2. Vicheva A. A. [Some issues of interaction of public authorities in the context of digitalization]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences], 2023, Vol. 9, no. 3, pp. 216–223. (in Russ.)
3. Zakharov M. *Pochemu tysyachi lyudey v Podol'ske ostalis' bez tepla v rekordnye morozy* [Why thousands of people in Podolsk were left without heat in record frosts]. Available at: regnum.ru/article/3858239.

4. Kozhevnikov O. A. [The category of "interaction" within the framework of the emerging unified system of public authority in the Russian Federation]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik [Altai Legal Bulletin]*, 2023, no. 3 (43), pp. 49–55. (in Russ.)

5. Kozhevnikov O. A., Kostyukov A. N., Larichev A. A. [Unified system of public authority: controversial aspects of regulatory regulation]. *Pravoprimenenie [Law Enforcement]*, 2022, Vol. 6, no. 3, pp. 49–62. (in Russ.)

6. Kozhevnikov O. A. [Public power, a unified system of public power, state and municipal power in the constitutional and legal doctrine and modern normative reality]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2022, Vol. 28, no. 3 (86), pp. 251–256. (in Russ.)

7. *Konstitutsionno-pravovye aspekty sovershenstvovaniya normotvorche-skoy deyatel'nosti (na osnove resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 2016–2018 gg.)* [Constitutional and legal aspects of improving rule-making activities (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2016–2018)]. Available at: www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspektsKS_2018.aspx.

8. Malyavkina N. V. [Interaction and independence of public authorities]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Bulletin of State and Municipal Administration]*, 2013, no. 1, pp. 79–84.

9. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 15 yanvarya 2020 g.* [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated January 15, 2020]. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/?ysclid=lqrkx1dtjo62129610.

10. Simonova N. V. *Vzaimodeystvie organov publichnoy vlasti na territorii prigranichnogo sub'ekta Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovye aspekty (na analize materialov Zapadnogo regional'nogo pogrannichnogo upravleniya FSB RF): avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [Interaction of public authorities on the territory of a border subject of the Russian Federation: constitutional and legal aspects (based on the analysis of materials from the Western Regional Border Department of the FSB of the Russian Federation). Author's abstract]. Volgograd, 2003, 22 p.

11. Yugov A. A. [The unified system of public power: the concept and general characteristics]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*, 2022, no. 2, pp. 16–22.

12. Chalykh I. S. [Interaction of public authorities in the subject of the Russian Federation: problems of legislative support]. *X Yuridicheskie chteniya: Rossiyskoe gosudarstvo i pravo: vektory razvitiya s oporoy na traditsii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Syktyvkar: SyktyvkarSKIY gosudarstvennyy universitet im. Pitirima Sorokina [X Legal readings: The Russian state and law: vectors of development based on traditions: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Syktyvkar: Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin]*, 2023, pp. 183–191. (in Russ.)

13. Chirikin V. A. [Constitutional and legal consolidation of the system of public authority in the Russian Federation]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal policy and legal life]*, 2021, no. 3, pp. 223–227. (in Russ.)

Информация об авторах

Кожевников Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права, Уральский государственный университет им. В. Ф. Яковлева, профессор кафедры конституционного и международного права, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия.

Карасев Анатолий Тиханович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права, Уральский государственный университет им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия.

Information about the author

Oleg A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional Law, V. F. Yakovlev Ural State University, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

Anatoly T. Karasev, Professor of the Department of Constitutional Law, V. F. Yakovlev Ural State University, Yekaterinburg, Russia.

*Поступила в редакцию 12 января 2024 г.
Received 12 January 2024.*